

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-66-79

УДК 93; 94

Антон Крутиков

Концепции истории Белоруссии. II. «Русский мир», «литвинизм», «Белорусская цивилизация»

Аннотация. На рубеже 1990-х годов Беларусь получила уникальный шанс возродить западнорусизм в качестве новой национальной идеи, основанной на многовековой культурной общности трех братских славянских народов. Однако быстрые изменения в исторической политике белорусского руководства привели к диффузии националистических концепций прошлого в историческую науку и официальную риторику. Выдвинутые президентом А. Лукашенко тезисы о «Белорусской цивилизации» были достаточно быстро отражены в официальной белорусской историографии. При этом символы сегодняшнего белорусского протестного движения — Т. Костюшко и К. Калиновский были внедрены в общественное сознание не внешними силами, а белорусскими учебниками.

Ключевые слова: Белоруссия, белорусская историография, исторические концепции, западнорусизм, белорусский национализм, литвинизм.

После распада СССР и возникновения независимой Беларуси политический контекст повлиял не только на рождение новых, альтернативных версий белорусского прошлого, но и на трактовку наиболее значимых достижений белорусской исторической науки. К таковым относились решения проблем этногенеза белорусов, специфики белорусской государственности и форм ее проявления в различные исторические периоды, а также эволюции белорусской культуры на протяжении столетий [Карев Белорусская историография, с. 154]. Независимая Беларусь была заинтересована в более прочном обосновании «исторической правомерности» существования белорусского государства, и здесь исторические концепции выполняли важную инструментальную функцию. В новых условиях востребованными оказались все три основные модели белорусского прошлого (советская, национальная и дореволюционная), а их причудливое сочетание в исторической политике стало заметным явлением общественной жизни.

Начиная с середины 1990-х годов политическое руководство Беларуси не раз демонстрировало примеры прагматичного отношения к собственной истории. Ключевые этапы развития исторической науки в республике имели непосредственную связь с важнейшими общественно-политическими процессами. Ряд современных исследователей дали этому объяснение, предложив собственные версии развития и периоди-

Сведения об авторе: Крутиков Антон Алексеевич — историк, эксперт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, bialyorz1000@gmail.com.

зации новейшей белорусской историографии [Дворниченко, Кудрявцева, с. 939; Карев Белорусская историография, с. 154–157; Козляков, с. 222–223; Фролов, с. 682]. Их общий вывод состоял в том, что большинство распространенных моделей белорусского прошлого были призваны утвердить идею особого исторического пути республики, уникальности ее культуры и государственности.

Западнорусизм и «Русский мир»

События 1991 г. принесли в белорусское общество не только очевидные признаки «национального ренессанса». В общественно-политическом и научном дискурсе возродился интерес к западнорусской идее, традиционно выступавшей главным сдерживающим фактором белорусского национализма. Возвращение консервативных подходов к белорусской истории стало возможным на рубеже 1980–1990-х годов благодаря трудам историков Я.И. Трещенка, В.Н. Черепицы, А.Ю. Бендина и др. [Бендин, с. 25; Трещенок; Чарапіца, с. 150]. Первые годы строительства независимой Беларуси стали временем повышенного интереса к исторической науке в целом, введения в научный оборот ранее недоступных трудов, публикации новых работ по историографии, знакомства с именами ранее забытых историков, этнографов и лингвистов [Заблоцкая, с. 40].

Западнорусское наследие, несмотря на его актуальность, оказалось в трудном положении. Практически вся дореволюционная историография Белоруссии попала под удар достаточно радикальных (часто — националистических) нападков и откровенных манипуляций. «Особенностью историографии Беларуси, — писал на заре современного периода известный в среде националистов автор Михась Бич, — является длительное существование в ней двух антибелорусских концепций — великопольской и великороссийской, которые в конечном итоге приходят к отрицанию самого факта существования белорусского этноса и признанию Беларуси частью Польши или России» [Біч, с. 15]. Намекая на приверженцев преследуемой в годы советской власти «западнорусской» идеи, М. Бич выражал мнение тех авторов, которые видели в российской дореволюционной историографии враждебную силу.

В научной среде разгорелись нешуточные страсти вокруг ключевых фигур в белорусском историческом дискурсе. Стоит признать, что далеко не всегда к классикам западнорусизма применялись упрощенные оценки. Интерпретация их наследия оказалась более изощренной. Например, М.О. Коялович не только характеризовался (абсолютно справедливо) как «замечательный историк», но и был назван «основоположником белорусской национальной историографии». Аналогичный титул заслужил академик Е.Ф. Карский — убежденный противник насильственной белорусизации эпохи 1920-х, сторонник общерусской культуры, называвший белорусский язык «диалектом русского».

Критика этих авторов лежала в русле «национальной» оптики белорусских историков, не желавших рассматривать работы своих предшественников в качестве целостного и самостоятельного направления научной и общественной мысли. Так, классическая работа М.О. Кояловича «История русского самосознания» оказалась неудобной

и даже опасной из-за того, что ее когда-то хвалили И.С. Аксаков и Л.А. Тихомиров [Дворниченко, с. 219]. Карский же, как подчеркивали современные биографы, сформулировал свое кредо задолго до появления первого тома «Белорусов». Еще в 1894 г., обращаясь к коллеге, выдающемуся лингвисту и палеографу А.И. Соболевскому, ученый утверждал, что в своих будущих изысканиях хотел бы «держаться той же западнорусской области», что и в ранних работах [Янушкевич, Цвирка, с. 13]. По мнению белорусских исследователей, именно «западнорусское нутро» академика не позволило ему сделать успешную научную карьеру в первые годы советской власти [Там же, с. 17]. Однако в интересах белорусской идеи консерватизм Карского было гораздо удобнее объяснить политическими особенностями режима, при котором он работал. «В условиях царского режима Е.Ф. Карский в виде вынужденной уступки официальным кругам использовал термины «белорусское племя», «белорусское наречие», «западнорусское наречие». Но это была лишь внешняя оболочка трудов белорусского ученого. Его фундаментальные, основанные на огромном материале работы сами собой говорили о неопровержимой национальной самобытности белорусского народа и его языка», — утверждали авторы предисловия к изданию «Белорусов» 2005 г. [Там же, с. 30].

Как отмечал Д.В. Карев, представители «белорусской историографии эпохи капитализма вынуждены были работать за пределами края — в университетских центрах Российской империи (М.О. Коялович — в Петербурге, М.В. Довнар-Запольский — в Киеве, И.И. Лаппо — Дерпте)» [Карев, Белорусская и украинская историография... с. 172]. Объявленные «своими» белорусские ученые, таким образом, трудились на общерусском поле «вынужденно», в силу исторических обстоятельств, а в душе всегда оставались национальными патриотами. Совершенно игнорировался тот факт, что попытка объединить столь разнородных деятелей под белорусским знаменем была возможна (и то далеко не всегда) лишь на основе географического признака¹.

Таких примеров можно привести множество, и все они свидетельствовали о попытках «национализации» белорусской науки. Повторяя украинский опыт, белорусские ученые прибегали к подмене смыслов. Знаковый памятник XII в. — «Слово о полку Игореве», содержащий яркую характеристику князя Всеслава Чародея (неожиданно ставшего персонажем белорусской истории), обрел пророческое звучание: «Ибо сказал брат брату: Это мое, а то мое же». К глубокому сожалению, после 1991 г. у белорусских историков не оказалось иного пути легитимации исторического знания. Ведь иначе «первым опытом» национальной историографии пришлось бы признать брошюру В.У. Ластовского, опубликованную в Вильно в 1910 г.

Развитие этих процессов в белорусской науке в целом потребовало адекватного ответа со стороны представителей западнорусской идеи и приверженцев современного исторического консерватизма.

¹ Этот принцип часто нарушался. К «белорусским» общественным и политическим деятелям был отнесен, например, родившийся в Курляндии западнорусист В.К. Стукалич.

После изменения внутривнутриполитического курса в республике в результате президентских выборов 1994 г. консервативный подход, казалось, получил шанс на практическое воплощение. Наиболее объективная и взвешенная оценка белорусского прошлого была предложена в работах одного из учителей и наставников президента Беларуси А.Г. Лукашенко — историка Я.И. Трещенка. По его мнению, белорусскую историю невозможно понять и изучить в отрыве от российской, поскольку у них общие корни и одна общеевропейская цивилизационная основа. «Следует постоянно иметь в виду, — писал Я.И. Трещенок, — особый характер исторических связей Беларуси с Россией, существующих на протяжении ее истории. Сложившееся в древнерусский период единство восточного славянства оказалось настолько прочным и всеобъемлющим, что, несмотря на разделившие его политические границы, никогда совершенно не прерывалось и продолжало существовать в иных исторических формах своеобразного этнического союза братских народов. Без учета этого фактора невозможно воссоздать объективную историю Беларуси» [Трещенок]. Вместе с тем ученый подчеркивал, что европейская цивилизация не была однородной, в ней исторически сложились две традиции — западнохристианская, наследница западной (латинской) Римской империи, и восточнохристианская, воспринявшая прежде всего наследие восточной (эллинской) Византийской империи. Взаимодействие этих подсистем не могло не сказаться на белорусской и российской истории [Бондаренко, Дмитрачков, с. 95].

По сравнению с националистическими подходами, Я.И. Трещенок в своих работах дал принципиально иную оценку важнейших вопросов истории Беларуси (судьба белорусских земель в составе Древнерусского государства, этнический характер Великого княжества Литовского (ВКЛ), положение белорусских земель в Речи Посполитой и в Российской империи и др.). История Беларуси была изложена с позиций восточноевропейской православной цивилизации, раскрыты ее особенности, которые во многом обуславливались расположением Западной Руси на стыке западного и восточнохристианского мира [Там же, с. 96].

Анализ историографии и источников позволил Я.И. Трещенку сделать вывод, что в Белоруссии второй половины XIX — начала XX в. не могло сложиться единого национального движения. Фактически на западнорусских землях сформировались две идеи, или два белорусских проекта: католический и православный. Первый складывался на католической культурно-цивилизационной основе, а его авторы тянулись к Западной Европе; второй был связан с православным, или, как отмечал Я.И. Трещенок, «русским» миром. Идеологи этого мира, «западнорусисты», не только ориентировались на Россию, но и учитывали культурные особенности белорусов, выражая их национальные интересы. Поэтому, считал ученый, негативные оценки западнорусизма должны быть пересмотрены, ибо это течение не было антибелорусским, как в начале XX в. его представлял А.И. Цвикевич вместе со своими сторонниками [Там же].

В подтверждение правоты взглядов историка отметим, что в белорусском общественном сознании в годы СССР по-прежнему преобладали воспоминания о культурном и политическом единстве славянских народов, а также о преимуществах «социальной

стабильности». Именно эта коллективная память белорусского народа в значительной мере обеспечила победу А.Г. Лукашенко на президентских выборах 1994 г. и последующие успешные шаги в деле союзной интеграции в 2000-х [Павловец].

На этом фоне в 2000–2010-х годах духовно-политическое течение западнорусизма вновь оказалось востребованным в белорусском историческом и общественно-политическом дискурсе. Особенно актуально его идеи звучали на фоне псевдоисторических концепций, распространявшихся на территории славянских республик бывшего Советского Союза, в том числе в Беларуси. Идеология западнорусизма признавала национальные и языковые особенности белорусов и украинцев, но призывала их не забывать общерусские корни. Многовековая русская культурная и государственная традиция на белорусских землях стала той основой, на которой строила свою деятельность современная западнорусская интеллигенция.

Общественные процессы в Республике Беларусь показали, что понятие «русский мир» было востребовано и совпадало с мироощущением многих публичных интеллектуалов. В 2010 г. в Минске представители православной интеллигенции основали научно-просветительский проект «Западная Русь», направленный на популяризацию и распространение знаний о белорусской и восточнославянской истории. Среди его организаторов и наиболее активных участников были историки, писатели и публицисты И.Ф. Зеленковский, А.Ю. Бендин, А.Д. Гронский, политолог В.В. Шимов, профессор Минской духовной академии В.М. Теплова и др. Проект достаточно быстро приобрел известность не только в Беларуси, но и за рубежом, установив контакты с известными учеными и исследовательскими центрами в России, Чехии, Польше и Сербии. Западнорусизм в Беларуси в 2010-е годы постепенно расширил сферу своего проникновения в научное и общественное пространство, служа противовесом как идеологии украинского и белорусского национализма, так и теориям литвинизма и прежним советским подходам к белорусскому прошлому.

«Литвинизм» и советское наследие

Помимо западнорусской идеи, в новой независимой Беларуси оказались востребованы и взгляды основоположников белорусской национальной историографии М.В. Довнар-Запольского и В.У. Ластовского, а также их более поздние интерпретации и прочтения. Повышенной популярностью стали пользоваться «племенная» и родственная ей «субстратная» концепции белорусской истории. Последняя была тесно связана с работами советского археолога В.В. Седова и его представлениями о «балтском субстрате», лежащем в основе белорусского этногенеза. Практическим воплощением этих идей стала «литвинская концепция» — наиболее радикальная версия белорусского прошлого. Правящее сословие и основная масса населения Великого княжества Литовского были определены как народ «литвинов», имевший балтское происхождение. Именно этот народ, согласно сторонникам «литвинизма», стал предшественником нынешних белорусов. Современные же литовцы появились на страницах исторических источников значительно позже — в Средневековье для литовского населения суще-

ствовало множество различных локальных названий и самоназваний. В период ВКЛ государственные чиновники, отправляясь в литовские области, часто брали с собой переводчика, что подчеркивало языковые и культурные различия. Литвины объявляются неотъемлемой частью западной протестантско-католической цивилизации и важным элементом в истории Центральной и Восточной Европы. Современными «литвинами», по словам сторонников концепции, могут называть себя не только белорусы, ощущающие свои «литвинские» корни, но и жители сопредельных стран (Польша, Литва, Украина). В отношении зоны распространения этнонима «литвин» данная концепция предъявляла претензии не только на территорию современной Белоруссии, но и на часть Литвы (Виленский край) и польское Подляшье, охватывая тем самым земли сразу нескольких независимых государств.

Идеи «литвинизма» имели длительную предысторию и опирались на наработки белорусской национальной историографии первых десятилетий XX в. Еще М.В. Довнар-Запольский в своей «Истории Белоруссии» (написанной в 1920-е годы, но опубликованной лишь в 1994 г.) утверждал, что термин «литвин» впервые появился в области наиболее тесных контактов славянского и балтского элементов — в так называемой Черной Руси к юго-западу от Новогрудка. Эти земли первыми были подчинены литовскими князьями, и здесь влияние литовской культуры было особенно сильным. Позднее, как считал историк, этноним «литвин» распространился на более широкую белорусскую территорию: «И теперь часто на вопрос о народности наш белорус называет себя «литвин». И в прежнее время, особенно польские писатели, Литвой и литвинами называли Белоруссию и белорусов, несмотря на то, что они хорошо знали о существовании собственно Литвы, но последнюю называли Жмудью по господствующему в ней племени» [Довнар-Запольский].

Однако религиозный деятель XVII в. Мелетий Смотрицкий, живший в Речи Посполитой, описывая те же территории в полемическом труде «Верификация», называет «Литву» в числе «русских народов». Народ «Литвы» выступает лишь одним из «великих, густонаселенных и неисчислимых христианских народов — волынцев, подгорцев, подляшцев, полешуков, подольцев, низовцев, украинцев, Белой Руси и Черной, от бескидских Татр до Балтийского моря» [Verificatia niewinnosci, s. 279]¹. Ясно, что сложности с интерпретацией термина «литвин» в исторических источниках создают обширное поле для фальсификаций и слишком вольных исторических реконструкций прошлого, в том числе национального самосознания народов, живших много столетий назад. Споры вокруг «Литвы» и «литвинов» не прекращаются до сих пор. Их активными участниками зачастую оказываются представители академической науки, политики и общественные деятели не только из Беларуси, но и нескольких сопредельных государств.

Неудивительно, что борьба за историческое наследие древней Литвы стала одной из центральных тем для белорусской исторической науки. Как уже было отмечено, ее

1 В этом же сочинении Мелетий Смотрицкий апеллирует к «правам, свободам и вольностям народа нашего русского» (Ruskiego).

основные усилия оказались сосредоточены на утверждении идеи древности белорусского политогенеза и белорусской этнической общности.

В постсоветской Беларуси параллельно рассматривались несколько исторических предшественников белорусского государства. К таковым были отнесены Полоцкая земля и Великое княжество Литовское. Важной особенностью постсоветского периода стало то, что истоки белорусского политогенеза теперь начали искать вне древнерусского поля. Идеальную возможность оспорить факт древнерусского единства представляли как раз новые прочтения истории ВКЛ в духе «литвинизма» и родственных ему национальных концепций. Тем не менее многие белорусские историки не спешили с радикальной ревизией советских исторических идеологем, особенно когда они касались древней истории. Советская версия белорусского прошлого оказалась не менее важной для развития национальных процессов в независимой Беларуси, чем националистическая.

В начале 2000-х годов, следуя политике президента Беларуси А.Г. Лукашенко, белорусская историческая наука в очередной раз изменила вектор. Интегральные националистические установки периода 1990-х временно сменились реактивацией советских подходов и идеологем. В этих условиях поиски истоков белорусского этногенеза вновь приводили исследователей к периоду Великого княжества Литовского, в полном соответствии с советской концепцией «древнерусской народности», разработанной в 1940–1950-е годы. Данная концепция утверждала, что три современных восточнославянских народа — белорусы, русские и украинцы — возникли в результате постепенного распада единой этнической общности, сложившейся в эпоху Древней Руси. Белорусы объявлялись отдельным народом, сформировавшимся на древнерусской культурной основе. Становление белорусского этноса объяснялось консолидацией восточнославянского населения на западе Руси в результате развития торговых связей, роста производительных сил и товарно-денежных отношений в границах Великого княжества Литовского. Хотя вопросы хронологии этого процесса вызывали серьезные разногласия, советские историки в целом признавали, что этногенез белорусов (как и украинцев) охватывал XIV–XVI вв. [Пилипенко Этнография Белоруссии... с. 59–64]

Данная модель оказалась востребована и в независимой Беларуси, т.к. позволяла согласовать наработки «национальной» белорусской историографии с достижениями советской научной школы. Идеи древности белорусского этноса, уходящего своими корнями вглубь столетий, весьма удачно наложились на методологические и концептуальные особенности исторической науки современной постсоветской эпохи.

Впервые эти изменения проявили себя в начале 2000-х годов, когда появились новые обобщающие работы по белорусской истории. Говоря об этногенезе белорусов, их авторы утверждали, что «главную роль в формировании белорусского этноса и возникновении Белоруссии сыграло политическое объединение белорусских земель в составе одного государства — ВКЛ». Подчинение разрозненных восточнославянских княжеств и земель единой власти, по мнению авторов, остановило процесс феодального

дробления и содействовало созданию условий для укрепления социально-экономических и этнокультурных связей между разными частями белорусской территории и консолидации населения [Ковкель, Ярмусик, с. 30].

Белорусские историки опирались на классическую советскую терминологию и методологию, в рамках которой неоднократно прибегали к «воображаемым» идентичностям, используя такие понятия, как «белорусская шляхта», «белорусские земли», «белорусские города». Конфликт исторических и воображаемых идентичностей, заложенный еще в советскую эпоху, никуда не исчез и продолжил развитие в новейшей белорусской историографии. Перенесение в прошлое современных этнополитических реалий, помещение их в контекст истории ВКЛ XIV–XVI вв. демонстрировало уязвимость большинства современных концепций белорусского этногенеза.

Между тем реактивация «консервативной» советской модели национальной истории также работала на национальное строительство в современной Беларуси, хотя и не радикальными методами. Отражение в научных публикациях и школьных учебниках идеи о Великом княжестве Литовском как о «колыбели» белорусской нации привело к существенным изменениям в общественном сознании и национальной самоидентификации. Как часто бывает, медленный путь оказался даже более эффективным. То, чего не удалось достигнуть с помощью радикальных версий белорусского прошлого, помогли довершить «консервативные» советские трактовки. К концу 2000-х годов более трети населения республики относили период ВКЛ к «истокам» белорусской государственности, причем были популярны и иные версии древности белорусского политогенеза [Ластовский, с. 91]. В официальном патриотическом дискурсе произошло фактическое слияние национального и советского. Многие наблюдатели отмечали, что Беларусь лишь внешне сохраняла свой «классический» советский облик, содержание этой оболочки было совсем иным [Уварова, с. 185]. На рубеже следующего десятилетия медленный дрейф в сторону «мягкого национализма» становится магистральным направлением в развитии белорусской исторической науки и исторической политики руководства страны.

Здесь можно отметить одну интересную особенность. Историографическая ситуация в Белоруссии конца 2000-х годов зеркально отразила ситуацию конца 1920-х. Тогда белорусский национализм помог советской власти расправиться с последними представителями западнорусизма, признанного идейно опасным для формирующейся белорусской нации в ее советских формах. Теперь же возрожденный западнорусизм смог обуздать наиболее радикальные проявления белорусского национализма и стал союзником власти в трудный период становления белорусской государственности. Это была, по сути, практически сформировавшаяся новая национальная идея, основанная на переосмыслении исторического опыта Белоруссии в XX в. и многовековой культурной общности трех братских славянских народов. Однако представители этого направления не смогли (и не успели) приспособиться к слишком быстрым изменениям официального исторического курса. Постепенное разочарование в перспективах союзной интеграции, произошедшее на фоне объективных экономических вызовов

2008–2009 гг., подтолкнуло руководство Республики Беларусь к более дифференцированной и «многовекторной» исторической политике. В дальнейшем в белорусской науке доминировали совсем другие концептуальные основания.

«Белорусская цивилизация»

10 января 2012 г. президент Беларуси А.Г. Лукашенко на церемонии вручения премии «За духовное возрождение» упомянул о существовании «белорусской цивилизации». По мнению президента, белорусская культура является фактором, мобилизующим нацию и укрепляющим государственность. В выступлении были акцентированы важные особенности исторического опыта белорусов: «Белорусская цивилизация создавалась не огнем и мечом, а мудростью и словом. Именно наша земля дала человечеству таких светочей христианства, как Евфросиния Полоцкая, Кирилл Туровский. Здесь появился на свет выдающийся просветитель Франциск Скорина, который 495 лет назад подарил восточным славянам первое печатное издание. Белоруссия обогатила мировую культуру поэзией Янки Купалы, Якуба Коласа, 130-летний юбилей которых мы отмечаем в нынешнем году» [Лукашенко заговорил о «белорусской цивилизации»].

Прозвучавшие тезисы были достаточно быстро отражены в официальной белорусской историографии. Упоминание президентом Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского и других персонажей древнерусской истории свидетельствовало о стремлении задействовать скрытый потенциал белорусского прошлого для укрепления национальной идентичности. Для этого в Беларуси существовали уже все необходимые предпосылки. Изменение образовательных и исторических парадигм в течение 2000-х годов подготовило общество к восприятию новых, альтернативных версий белорусского прошлого. По оценке современного исследователя А.Л. Ластовского, «топос» древней белорусской истории «обладает двумя важнейшими характеристиками: (1) незаполненность (что позволяет без особых проблем привнести в него нужное содержание) и (2) позитивно-нейтральное восприятие в массовом сознании» [Ластовский, с. 99]. В итоге белорусская историческая наука была призвана сосредоточиться на исследованиях, нацеленных на доказательство более глубокой древности белорусской культуры и государственности.

В 2016 г. в Беларуси был опубликован цикл научных работ «Истоки белорусской государственности: Полоцкая и Витебская земли в IX–XVIII веках», по-новому раскрывающий процесс формирования раннегосударственных образований у восточных славян. По словам заведующей центром археологии и древней истории Института истории НАН Беларуси О.Н. Левко, в работах обосновывается появление белорусской государственности уже в середине IX в. — с созданием Полоцкого княжества [Левко]. Становление Полоцка в качестве центра раннегосударственного образования осуществлялось, по ее мнению, на «местной племенной основе», в то время как в Новгороде и Киеве для этого приглашали варягов. «Даже в последующем Полоцкие земли, входя в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, развивались автономно», — отметила О.Н. Левко [Лукашенко: историю становления белорусского государства нужно

достоверно отразить...]. Левко не только отвергла принятую в российской историографии с XIX в. «норманнскую теорию», но и высказалась в пользу самостоятельного статуса Полоцка, игнорируя его подчинение Киеву в X–XIII вв. [Левко]. Развитие Полоцкой земли рассматривалось вне контекста Древнерусского государства и единой древнерусской народности. Полоцк был представлен как самостоятельный центр в истории восточного славянства, равнозначный Киеву и Новгороду.

В 2017 г. А.Г. Лукашенко выступил в поддержку новой исторической концепции, обосновывающей исключительность белорусской истории. Комментируя результаты исследования, проведенного историками и археологами НАН Беларуси, президент дал указание «достоверно отразить» в новых учебниках раннюю историю становления белорусской государственности.

Взгляды О.Н. Левко были поддержаны и на радикальном фланге, где они тесно смыкались с идеями белорусских националистических писателей и историков, авторов научно-популярных и художественных работ на историческую тематику. По словам одного из них, В.А. Орлова, древняя белорусская история прослеживается как минимум с IX в.: «Полоцкое княжество было типичным для своей эпохи раннефеодальным европейским государством. По своим размерам оно соответствовало таким тогдашним странам, как герцогство Баварское или королевство Португальское. [...] Власть Полоцка распространялась на нижнее Подвинье до самого Балтийского моря. Это значит, что Полоцкое княжество было морской державой» [Орлов]. Древний Полоцк в его работах наделяется полной самостоятельностью и рассматривается вне контекста Древнерусского государства: «В X–XIII вв. Полоцкой землей владела княжеская династия Рогволодовичей, а любые попытки Киева посадить тут своих ставленников неизменно завершались провалом». Оставаясь независимым от Киева, утверждает автор, Полоцкое княжество играло важную роль в восточнославянской истории, причем европейские монархи не считали его «задворками Европы» [Там же].

Диффузия националистических представлений о прошлом в белорусскую историческую науку и официальную патриотическую риторику ускорилась в конце 2010-х годов. В 2018 г. Институт истории НАН Беларуси во главе с его руководителем В.В. Даниловичем разработал «Концепцию истории белорусской государственности» — программный документ, выполненный в рамках «государственной программы научных исследований». В нем оказались затронуты вопросы «исторической правомерности» существования белорусского государства, причем результаты исследования были представлены как важное научное открытие. По словам В.В. Даниловича, белорусские ученые «впервые в истории мировой научной мысли предложили новую трактовку дефиниции государственность». Она определялась как «внутренняя потенциальная способность этнонационального сообщества и его элиты обеспечивать право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития. Государство же — это конкретно-историческое воплощение потенциала государственности, совокупность государствообразующих факторов» [Данилович, с. 10].

Концепция зафиксировала редкую историографическую ситуацию, когда развитие государственности рассматривается за рамками истории своего государства. Для этого были предложены специальные термины — «исторические» и «национальные» формы государственности, последние характеризовались более выраженным «содержанием титульного этноса». К «историческим» же формам относилась вся белорусская история до начала XX в. Стремление доказать древность белорусской государственной традиции привело к необходимости отказаться от советской версии белорусского этногенеза в рамках ВКЛ и «продлить» национальную историю в глубь веков. Именно в Белорусском Полесье в IV в., как утверждают авторы, археологами были выявлены «самые древние на сегодня славянские поселения» [Там же, с. 11]. Территория Беларуси является «колыбелью» всего восточного и европейского славянства.

Следуя этой логике, сложно объяснить, почему концепция не упоминает о Римской империи как о колыбели белорусов, т.к. именно на границах этой империи возникали провинциально-римские культуры I–IV вв., в том числе славянская. О существовании племенного союза антов, имевших зачатки государственности в IV в. (вождь, знать, войско) и о славяно-готских войнах, описанных готским историком Иорданом, авторы концепции ничего не упоминают. В дальнейшем, в VIII–IX вв., они фиксируют «массовое присутствие славян на территории Беларуси. Дреговичи, кривичи и радимичи сыграли важную роль не только в формировании белорусского этноса, но и в образовании древнейших протогосударственных структур на наших землях» [Там же].

Заметной особенностью новой концепции стало и отсутствие в ней концепта «Древнерусского государства» и, следовательно, «древнерусской народности». Авторы признают появление в IX в. исторически важных территориально-политических объединений — Киевского, Новгородского и Полоцкого княжеств, «которые играли ведущую роль в государствообразующих процессах у восточных славян». Затем Киевское и Новгородское княжества были объединены в рамках Киевской Руси. Что же касается Полоцка, то «княжество полочан послужило основой отдельной территориально-политической структуры — Полоцкой земли, государственное развитие которой проходило по тем же принципам, что и Киевской Руси. Полоцкая земля была ее равноправным партнером в межгосударственных отношениях» [Там же]. То есть история Полоцкой земли, средневековой «колыбели» белорусской государственности, выводится за рамки истории Древнерусского государства. Вместо Древней Руси на страницах концепции появляется «Киевская Русь» — совсем не идентичная ее трактовке историками XIX — середины XX вв. Политический подтекст такой подмены очевиден. Полоцкая земля объявляется самостоятельным государственным образованием, располагавшееся на территории современной Беларуси Туровское княжество — «автономией». Концепция полностью отвергает «норманнскую теорию» и повторяет тезисы О.Н. Левко о незначительной роли варяжского элемента в развитии древнего Полоцка, намекая на существенные цивилизационные различия между тремя группами восточного славянства.

Заслуживает внимания сходство основных положений этого исторического манифеста независимой Беларуси с идеями М.С. Грушевского, решавшего аналогичные зада-

чи в украинской исторической науке столетие назад. Удревнение истории (Грушевский ведет ее с V в., а Данилович — с IV в.), государствоцентризм, линейность исторического процесса, заданность ключевых событий являются их общими чертами.

Несмотря на рецепцию и переосмысление многих радикальных версий белорусского прошлого, предложенная Институтом истории НАН Беларуси концепция так и не ответила на вопрос о цивилизационном выборе современного белорусского общества и государства. Стоит лишь заметить, что содержащиеся в ней положения трактуют белорусов как народ, «в своих стремлениях не отличающийся от других народов Европы», что выглядит весьма двусмысленно на фоне текущего политического кризиса в республике [Там же, с. 12–13]. Если посмотреть внимательно на идеологию современного белорусского протестного движения, станет ясно, что его символы — Костюшко и Калиновский были внедрены в общественное сознание не благодаря «польской интриге» и «кураторам из Варшавы», а белорусским учебникам, начиная с 2000-х годов отражающим советские мифы и исторические клише. Появление подобных трактовок при существующих проблемах национальной самоидентификации, исторической памяти и общественного единства представляется рискованным для руководства современной Беларуси.

Впрочем, ситуативность национальной исторической политики, ее привязка к важнейшим общественно-политическим процессам была заметна уже давно. Прагматизм современных белорусских элит, лишенных собственной идеологии, в значительной мере влияет на определение основных контуров исторической политики в республике. Как отметил автор новой концепции В.В. Данилович, отношение к проблемам прошлого Беларуси «неотделимо от социально-политических реалий нашей страны» [Там же, с. 9]. Исходя из современного контекста, потенциал данной фразы еще далеко не раскрыт.

Несомненно, что политический режим, не имеющий сколько-нибудь надежных механизмов самовоспроизводства вне привязки к конкретной личности руководителя, после его ухода с политической арены может с легкостью отказаться от декларируемых ныне исторических лозунгов. Следовательно, будущее исторической науки в республике остается открытым, и ее дальнейший путь труднопредсказуем. Даже великий классик XIX в., сравнивая Русь с преодолевающей историческое пространство тройкой, едва ли мог предположить появление в следующем столетии трех самостоятельных восточно-славянских народов, оказавшихся в единой упряжке советского интернационализма и государственной исторической политики. Применительно к идеологическим и мировоззренческим установкам современной белорусской историографии фундаментальный вопрос Н.В. Гоголя «Русь, куда ж несешься ты?» остается во многом без ответа.

Литература

Бендин А.Ю. Нацыянальная адраджэнне ў вышэйшай школе Беларусі (канец 20-х — пачатак 30-х гадоў) / А. Ю. Бендин // Нацыянальная самасвядомасць і выхаванне моладзі: зб. навуковых прац. Минск. 1996. С. 25–36.

- Біч М. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 5–24.
- Бондаренко К.М., Дмитрачков П.Ф. Личность и история // Беларусская думка. 2011. № 9. С. 94–97.
- Данилович В.В. Концепция истории белорусской государственности. // Наука и инновации. № 11 (189). 2018. С. 9–15.
- Дворниченко А.Ю. «Присвоение» истории или ее постижение? (Русская литуанистика XIX — начала XX века) // Тетради по консерватизму. 2020. № 2. С. 219–236.
- Дворниченко А.Ю., Кудрявцева Р.-Е.А. Феномен Великого княжества Литовского в научном дискурсе рубежа тысячелетий // Былые годы. 2019. Т. 53. Вып. 1. С. 935–945.
- Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. Минск. 2005.
- Заблоцкая М.В. Историография западнорусизма как общественно- политической мысли Беларуси (вт. пол. XIX–XX в.) // Копытинские чтения — I, II: сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Могилев, 17–18 мая 2018 г. / Под общ. ред. М.И. Матюшевой. Могилев. 2018. С. 39–41.
- Карев Д.В. Белорусская и украинская историография конца XVIII — начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. Вильнюс. 2007.
- Карев Д.В. Белорусская историография на рубеже XX–XXI вв. (старые проблемы и поиски новых решений) // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В.Н. Сидорцов (отв. ред.) и др. Минск. 2004. С. 154–157.
- Ковкель И.И., Ярмусик Э.С. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени. Минск. 2000.
- Козляков В.Е. Современная историография Беларуси: некоторые тенденции в изучении отечественной истории // Российские и славянские исследования. Вып. 4 / Редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск. 2009. С. 221–232.
- Ластовский А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения № 4 (192), октябрь–декабрь 2009. С. 88–99.
- Левко О.Н. Истоки белорусской государственности: концепции и факты тысячелетней истории // Доклады Национальной Академии Наук Беларуси. Т. 62. № 5. 2018. С. 623–633. — URL: doklady.belnauka.by/jour/article/view/561 (дата обращения: 05.05.2021).
- Лукашенко заговорил о «белорусской цивилизации» // Regnum. 11.01.2012. — URL: regnum.ru/news/polit/1486734.html (дата обращения: 05.05.2021).
- Лукашенко: историю становления белорусского государства нужно достоверно отразить в новых учебниках // БЕЛТА. 28.02.2017. — URL: belta.by/president/view/lukashenko-istoriju-stanovlenija-belorusskogo-gosudarstva-nuzhno-dostoverno-otrazit-v-novyh-uchebnikah-235365-2017/ (дата обращения: 05.05.2021).
- Орлов В.А. Десять веков белорусской истории (862–1918): События. Даты. Иллюстрации. Вильнюс. 2001. — URL: litmir.me/br/?b=205306 (дата обращения: 05.05.2021).
- Павловец Ю. Концепция западнорусизма в процессе формирования современной белорусской идентичности // Русская IDEA. — URL: politconservatism.ru/articles/kontseptsiya-zapadnorusizma-v-protseste-formirovaniya-sovremennoj-belorusskoj-identichnosti (дата обращения: 05.05.2021).

Пилипенко М.Ф. Этнография Белоруссии. Минск. 1981.

Трещенок Я.И. Две белорусские национальные идеи (католический национал-сепаратизм и православная национальная идея) // VII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: Материалы чтений (Минск, 22–24 мая 2001 г.). В 2 ч. Ч. 1, кн. 2 / Европейский гуманитарный ун-т, Бел. гос. ун-т культуры; отв. ред. и сост. А.Ю. Бендин. Минск. 2002. — URL: zapadrus.su/zaprus/istbl/429-2011-08-29-12-22-47.html (дата обращения: 05.05.2021).

Фролов И.А. Историография развития исторической науки в Республике Беларусь на современном этапе // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 8–9 дек. 2011 г. / Редкол.: А.А. Коваленя и др. Минск. 2012. С. 682–686.

Чараніца В.М. Са скарбніцы кніжных паліц. Мінск. 1994.

Янушкевич Я., Цвирка К. Евфимий Карский и его «Белорусы» // Евфимий Карский. Белорусы. Минск. «Белорусский книгосбор». 2001. С. 5–30.

Verificatia năuinnosci — сочинение, изданное Виленским православным братством в защиту восстановленной иерусалимским патриархом Феофаном западнорусской иерархии, 1621 г. (изд. 1-е) // Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 7. Памятники литературной полемики православных южно-русцев с латино-униатами. Киев. 1887. VIII. С. 279–344.

Крутиков А. Концепции истории Белоруссии. II. «Русский мир», «литвинизм» и «Белорусская цивилизация» // Перспективы. Электронный журнал. 2020–2021. №4/1. С. 66–79